

Все вокруг оленя

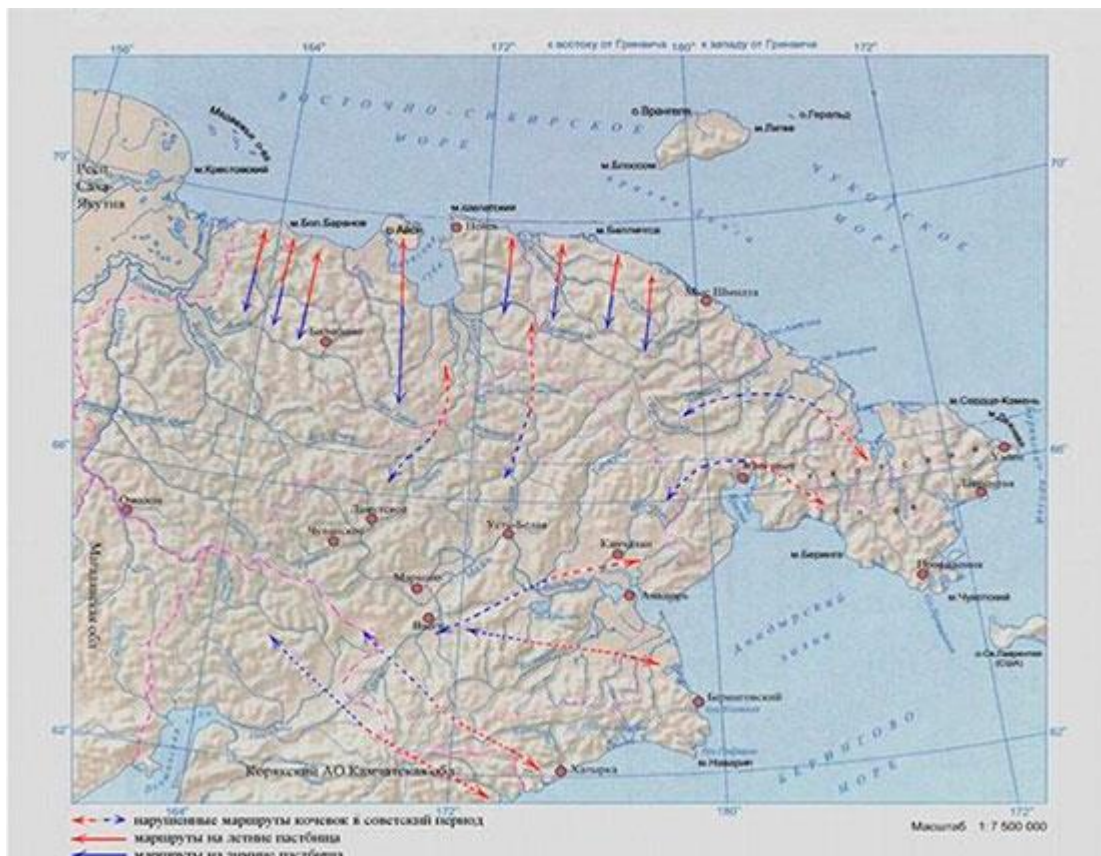
Нувано В.Н. н.с. Лаборатории истории и экономики (г. Анадырь) СВКНИИ ДВО РАН

Пичвучьын сын Тынантомгына шел как-то по берегу моря, пнул прибрежную гальку, и из-под ног его побежали ылвэт — дикие олени. Красивые, большие, светло-серой масти получились олени. Посмотрел Тынантомгын на то, что сотворил его сын, и сказал: «Уж очень хороши олени, не смогут таких удержать люди». И сотворил для людей из гладколистной ивы лыгэумкуум — домашних оленей лыгэк'аат.

С тех пор Пичвучьын — хозяин диких оленей, а люди — домашних. Восседает Пичвучьын на темени самого большого дикого оленя светлой, почти белой масти. Он вожак и всегда выделяется среди многотысячного стада мигрирующих оленей. Иногда он стоит поодаль от основного стада. Потому-то чукчи на охоте никогда не стреляют во впереди идущих крупных животных.

Хоть и сделал Тынантомгын домашних оленей не такими красивыми и быстрыми как дикие, все же и их нелегко было людям удерживать. У одного хозяина был к'аакьнтатгыргын «оленное счастье», у другого — нет. Болезни, хищники, гололед — много трудностей подстерегает оленей и их хозяев. Только каждодневный, ежечасный труд помогает преодолевать их. Старые люди рассказывают, что иной хозяин в течение жизни мог потерять оленей, но затем восстанавливал и даже преумножал свое богатство.

Так случилось с предками Гемавье, которые кочевали со своими стадами между Пал-Палом (Парапольский Дол, граница Чукотского и Корякского АО) и побережьем Берингова моря (рис 1).

Традиционные маршруты оленеводов до коллективизации рис 1 (рис. В.Н. Нувано)

Предание гласит: «братья выдали замуж одну из своих сестер и в приданное выделили ей оленей. Сестра откочевала со своим стадом и ватомгыт «товарищами по жизни» к местам кочевий своей новой семьи — Талк'апеты , где они сумели приумножить свое состояние. Братья же со своими многочисленными стадами продолжали кочевать по прежним местам. Но их подстерегало несчастье — случился мор оленей от чесоточного клеща. С остатками стада они откочевали в рыбные места Пенжинской губы Вайкынан (территория, где теперь находится с. Каменское Корякского автономного округа. У коряков этой территории было свое особое название — вайкыналъыт). Узнав об этом, сестра послала за ними людей и каждого из братьев наделила оленями. Уже к 40-м годам XX столетия у потомков легендарных оленеводов — Гемавье и его сыновей Трунку, Котаквыргын, Экетъэт было по два больших стада. Соседи говорили, что был у них к'аакынтатгыргын «оленное счастье». Но главное, что их спасало, труд и умение накормить, напоить оленей, правильно выбрать пастбище. Они любили и понимали своих питомцев, каждого оленя знали по приметам и характеру. И еще умели быть благодарными — вовремя воздали хвалу силам, которые окружают их: Воде, Огню, Солнцу, Луне и самому Оленю (рис 2).

рис.2. Священный убой «верхним существам».
Ритуальные предметы (бр. № 6 совхоз «Путь к коммунизму», с. Ваеги, 198...) на переднем плане слева на право: символические копье, червь или змея, посох с привязанным камнем, связка тайн'ыквыт, на верхушках трех веток установлены рога оленя .

Помню рассказ Келчи-Етувье — старого оленевода усть-бельской тундры. Как-то ночью он ехал на оленях в родной поселок. Случайно наткнулся на кострище и обнаружил, что он на том же месте, где совсем недавно пил чай. «Закрутился», — понял пастух. Развел костер, повесил чайник, чтобы вскипятить воду и с незлобным ворчаньем обратился к Огню: «Я же Тебе говорил, у меня лишь старые запасы еды, а тебе нужны только новые. Но возьми хоть эти!» С этими словами положил маленький кусок жира в костер. После чаевки олени бодро понесли старика прямо к селению.

Оленный человек всегда благодарил Природу или просил помощи у неё, или у Огня, Воды, Солнца, Луны. И те отвечали ему благосклонностью.

Оленный новый год начинался с радостного события — рождения телят. Чтобы отел был успешным, нужно хорошо провести зимовку — чем упитаннее важенка, тем здоровее будет приплод. Говорят, зимой легче пасти оленей. Но это не так. Правда, зимой олени менее активны, чем летом, но накормить их в это время года

гораздо сложнее. Приходится пройти много километров по твердому насту, прежде чем найдется место с доступными кормами. Вот и получается, что в оленеводстве нет легких периодов.

Помню рассказ Келчи-Етувье — старого оленевода усть-бельской тундры. Как-то ночью он ехал на оленях в родной поселок. Случайно наткнулся на кострище и обнаружил, что он на том же месте, где совсем недавно пил чай. «Закрутился», — понял пастух. Развел костер, повесил чайник, чтобы вскипятить воду и с незлобным ворчаньем обратился к Огню: «Я же Тебе говорил, у меня лишь старые запасы еды, а тебе нужны только новые. Но возьми хоть эти!» С этими словами положил маленький кусок жира в костер. После чаевки олени бодро понесли старика прямо к селению.

Оленный человек всегда благодарил Природу или просил помощи у неё, или у Огня, Воды, Солнца, Луны. И те отвечали ему благосклонностью.

Оленный новый год начинался с радостного события — рождения телят. Чтобы отел был успешным, нужно хорошо провести зимовку — чем упитаннее важенка, тем здоровее будет приплод. Говорят, зимой легче пасти оленей. Но это не так. Правда, зимой олени менее активны, чем летом, но накормить их в это время года гораздо сложнее. Приходится пройти много километров по твердому насту, прежде чем найдется место с доступными кормами. Вот и получается, что в оленеводстве нет легких периодов.

Для успешного проведения отела важно вовремя провести отбивку — разделить стадо на маточную (плодовую) и самцовую группы. Весной, в конце марта, на это мероприятие с соседних стойбищ съезжаются оленеводы. Вместе строят кораль (матерчатый загон) и непременно забивают ритуальных животных — тогда будет удача. Оленей загоняют в кораль, а оттуда к проходу — там уже выстроились пастухи с арканами, образуя коридор. Четким движением они заарканивают самцов. Самок, которых в стаде обычно больше, свободно выпускают из загона, и они пасутся рядом.

Отбивка стада — всегда соревнование: кто больше поймает проскочивших в проход самцов и телят прошлого года, тот и победил. Когда самок за изгородью убавится, проход сужают и вылавливают самок уже внутри загона. Оленеводы постарше

ловят самок, а молодые их выводят. У них есть возможность продемонстрировать силу, ловкость и выносливость — приходится бежать за оленем по рыхлому снегу. Пойманную самку берут за рога, и она несет пастуха к выходу. А он лишь дает направление животному только ему знакомыми приемами. А какая-то молодая самка может вообще отказаться выходить. И тогда, приходится молодым людям, взявшись за рога и хвост волочь ее к выходу.

В каждой бригаде, где заканчивали отбивку, устраивали спортивные состязания. Самое интересное событие — гонки на оленьих упряжках (рис 3). К ним готовились всю зиму: подбирали упряжку, тренировали оленей. Обучить оленя, и тем более подобрать хорошую упряжку, — дело нелегкое, требующее терпения и навыков. Старики говорили: «Не злись на оленя, если что-то не получается!» Тем более не допускалось ударить животное. Взбунтовавшегося оленя можно было усмирить лишь с помощью чиглэткун. Для этого на конец узды закреплялся чикыл. Это деревянный, похожий на небольшую палицу предмет, который придавал резкость продергиванию узды.

рис 3 . Оленьи гонки в бр. № 9 МУП СХП «Чаунский».
Финиш Б. Ф. Вуквукая (фото К. Лемешева, 2012)

Но если ты воспитал хорошую упряжку, то приз тебе обеспечен. Призы вешивали на какой-нибудь невысокий шест или на срубленную ветку и прибывший на финиш гонщик сам выбирал себе подходящую награду. Помню, у меня, тогда еще семнадцатилетнего юноши после школы, во время гонок сломалась нарта, пришлось возвращаться к финишу, ведя оленей в поводу. Естественно, я был последним, но на финише меня тоже ждал приз — ездовой олень. И после армии до поступления в ВУЗ, еще три зимы я ездил на нем.

После весенней отбивки в одном стойбище, ехали помогать в другое. Такие поездки были очень важны. Люди общались, знакомились, присматривали невест, складывались новые семьи. Сегодня, к сожалению, эта традиция исчезла. Большинство молодых оленеводов остаются холостяками. Хотя всем известно, что семья в оленеводческом сообществе не просто демографическая единица — мужчина выпасает оленей, женщина шьет одежду, готовит еду. Более того, женщина всегда была носителем семейных традиций. Она соблюдала семейные ритуалы, переданные старшей женщиной рода на праздниках-благодарениях.

В мае, в разгар отела, устраивали праздник кильвей, так называемый «Праздник рогов». Это праздник-благодарение по случаю успешного отела. В это время еще в тундре лежит снег, и я еще застал время, когда после этого праздника проводили гонки. Хотя они были не такими азартными, какие проводились в предыдущие зимние и ранневесенние месяцы. В это время у всех оленеводов ответственная пора – отел. Нет времени разъезжать по гостям.

А в начале июня плодовая часть стада рэквыт с окрепшими новорожденными телятами соединяли с неплодовой частью пээчвак. Воссоединенное стадо подгоняли к основной летней стоянке рамаю (фото 4). Это по сути полусоседное место оленных людей, так как здесь в лабазах на всю зиму остаются на хранении большие летние яранги и другие вещи. Слово рамай так и раскладывается: ра — от слова яран'ы «[жилище](#)» (в литературе яранга) и май — магны «место хранения». Есть и другое общеупотребимое чукотское слово которое передает суть места анольатынвын — «место остановки на летнее время». Прибыв с зимних кочевий, устанавливают летние жилища. Стоянки прошлых лет остаются не далеко, а новое стойбище разбивают иногда лишь в ста метрах, а может даже на меньшем расстоянии. Хранящийся летний скарб также переносят к «новым» жилищам. Разборный лабаз, каждый хозяин снова устанавливает у своего жилища. Женщины, дети и старики будут оставаться на «новом» месте до ноября, когда снова, отдохнувшие за все лето пойдут на «новое большое кочевье». Здесь же на «новом» месте в июне устраивают ваамк'анмат — праздник воды или реки. Люди радуются, что воды разлились и начинают питать землю. Во время жертвоприношения люди просят у Воды, чтобы их олени все лето пили живительную влагу и их копыта в жаркие дни были в прохладе. На следующий

день проводили другой праздник анольят (смотрите выше анольятынвын) — вновь строили ярангу на «НОВОМ МЕСТЕ» и проводили обряд ранъйрав — освящали «новое жилище» кровью священного оленя. Ведь после долгих непрерывных зимних кочевок женщины, дети и старики наконец на пять месяцев будут оставаться на месте. Женщины за лето сошьют новые одежды, старики починят нарты для будущих зимних кочевок, а дети будут набираться сил и в играх постигать навыки оленней жизни.

рис 4. Летняя стоянка оленеводов рамай или анольятынвын совхоза «Путь к коммунизму»
(фото И. Дылев, 1980-е)

После проведения праздников старики и женщины с детьми останутся в стойбище, а стадо уходит на малый весенний маршрут. Возвращение стада на рамай в первых числах июля снова будет сопровождаться праздником — ваамк'анмат. Ведь вода особо почитаемая стихия. Оленеводы говорят: «Не важно, как ты сильно накормил стадо, важно — как ты его напоил». На другой день устраивали праздник вагтелк'анмат — праздник «начала движения отдохнувших оленей». В это время заготавливали пищу для тех, кто остается на долгие два месяца на рамае. А также забивали оленей, чтобы за лето завялить побольше мяса, чтобы в трудное осеннее время у пастухов в заплечных суммах всегда был запас легкой и калорийной пищи.

Только после этих праздников пастухи со стадом уходили на большой летний маршрут. До коллективизации большинство оленных людей чаучу стремились подогнать свои стада в более прохладные места морского побережья. Старики говорят: «Олени,

летующие у моря, больше упитанны и меньше болеют «копытной болезнью (некробактериоз)».

В середине летнего маршрута устраивали праздник палкынтык'аанматгыргын, дословно «возвращения священный убой оленя» — это середина пути. Иногда если рядом паслось стадо другого хозяйства, то приходили на праздник гости. Начинался праздник с забоя жертвенного оленя и приготовления ыпаны — священного кровяного супа. Содержимое первой миски пастухи и гости поочередно раскидывали в разные стороны посолонь по кругу, а затем приступали к трапезе. Праздник заканчивался состязаниями в беге молодых оленеводов. Как-то в один из таких праздников, нас одиннадцатилетних мальчишек, уже работающие молодые оленеводы соседней бригады все подстегивали в поедании вкусного кровяного супа. А мы и были рады, что нам достается больше, а сама опытная молодежь почему-то воздерживалась от еды. Оказалось, что уже был назначен старт. Стартовали мы тяжело, но через некоторое время стало легче. Мы все пришли к финишу, и даже не сильно отстали. А бежали мы довольно далеко.

Для нас, школьников, эти непродолжительные встречи в тундре становились незабываемыми — не часто увидишь на бескрайних просторах других людей, кроме пастухов с твоего стада. Встречи придавали свежесть, новизну общения, даже радость. Пастухи-соседи подгоняли свои стада, мы общались, сравнивали оленей, отмечали лучших. Ведь к лучшим качествам оленей стремился каждый чаучу.

Отдельно можно говорить о языке народа, занимающегося тем или иным традиционным промыслом. Только теперь я начал понимать, насколько это важно, когда старший оленевод рассказывает о какой-то новой местности на родном чукотском языке, а молодой оленевод внимательно слушает и живо представляет ее рельеф и морфологию. И, даже не зная места, может легко ориентироваться на ней. Весь комплекс традиционных знаний помогал человеку, не теряться и жить в тундре.

В двадцатых числах августа и до начала сентября, но обязательно до наступления гона, стадо подгоняли к стойбищу рамай и проводили праздник вылгык'аанмат — «праздник тонкой шерсти». Подгоняемое к стойбищу стадо, после двухмесячного отсутствия встречают с громкими возгласами и выстрелами из ружий, дети из маленьких луков в сторону оленей пускают подоженные стрелы,

главы семейств в сторону стада потрясают копьями, которые им перешли по наследству, а женщины кидают дернину подоженную огнем, добытого с помощью гыргыр – «огниной доски». Для ритуального убоя выбирали приглянувшегося теленка с хорошей шкурой. Потом из этой шкуры женщина-хозяйка сошьет теплую и красивую одежду, в которой можно и в 40-градусный мороз ночевать у стада. Вместе с теленком обязательно забивали быка-производителя такальгын (можно перевести с чукотского как напарник), набравшего за лето необходимую кондицию. Грудинку этого быка, вырезанную вместе с языком, оставляли до весеннего праздника кильвей.

Только в конце октября выпадет снег, и в начале ноября начинали кочевать на зимние пастбища. Так и происходил круговорот ЖИЗНИ чаучу – оленных людей.

Этот круговорот я помню по своему детству и по тем временам, когда сам работал в оленеводстве, помогая отцу. Нам, ребяташкам, никогда не делали скидок на молодость или неопытность. Учеба проходила по принципу «делай, как я». С одиннадцати лет и три года после армии — моим бессменным напарником был Андрей Котчиргин (рис 5). Мы были с ним, как одна оленья упряжка. Вместе во время трудовых каникул ходили на дневное дежурство. Помню, как мы завидовали сверстникам, которые ходили в ночное дежурство, а после смены в теплый солнечный день могли купаться. А нам же рано утром приходилось со старшими товарищами идти в дневное. Но сейчас я понимаю, что дневное дежурство — лучший «университет» для оленевода. После армии нам уже доверяли многое. Мы по одному могли неделями кочевали со стадом. С армии мы уволились почти одновременно. И нас двадцатилетних, после ноябрьского просчета, послали на поиски. За неделю на оленях по глубокому снегу мы обследовали значительную территорию.

рис 5 Члены бригады № 6 совхоза «Путь к коммунизму» слева на право: К'эккын (конец 10-х, начало 20-х годов XX в -1985), бригадир Нувано Н.И. (1935-2007), Вальгиргин В. (1950-е годы рождения), Котгиргин А. (1963 г.р.). Фото М. Гермашова 1984.

После школы моими наставниками были старик Атак и его жена Рутьевн'евыт. Практически всю послешкольную зиму мы провели втроем. Они научили меня ездить на оленях. Старик всегда удивлял своей невозмутимостью, горделивым спокойствием. А уже после армии, в 1984 году, я зимовал с Койкою и нашей тетей Кеунеут. Мне запомнился этот год необычайно плотным снегом. Каждый день мы вынуждены были кочевать в горы Нутэв'эри, к более доступным для оленей пастбищам, хотя знали, что там живут волки, это их территория. Каждая ночь — дежурство в стаде. Благо, что одежда, сшитая нашими женщинами, надежно защищала от холода. Хоть мы и дежурили возле стада, но утром обнаруживали задранного оленя. Мы платили волкам своеобразный налог. Чукчи с почтением относились к местам, где находится логово и есть постоянный выводок волков. Тогда волки не пропускали на территорию «чужих», т.е. волков из других мест. Иногда волков так и называли рюльын (ед. ч.) «ночной дежурный».

В те годы наша бригада ежегодно сдавала государству по 600 и даже по 1000 оленей. Совхоз иногда забивал до 8000 голов. Но и после сдачи мяса государству в стадах совхоза «Путь к коммунизму» (с. Ваеги) оставалось 22-23 тысячи оленей. Наш совхоз славился продуктивным использованием пастбищ. Хотя еще в те годы главный зоотехник совхоза А.М. Куделя

предупреждал, что нехватка пастбищ может привести со временем к потерям поголовья: там, где выпасали оленей три бригады, должно пастись одно трех-четырёхтысячное стадо. А мы теснились как три бычьих головы в одном котле, особенно летом. Иногда натыкались на следы оленей других бригад. Были случаи, когда приходилось договариваться с оленеводами Корякского автономного округа и уходить на пустующие места их территории. Ведь их стада, как когда-то до коллективизации чукотские, летом уходили к морю.

Слова зоотехника оказались пророческими, сейчас в МУП СХП «Ваежный» осталось на три бригады всего 7000 голов. Некоторые пастухи перестали соблюдать традиции, проводить [праздники-благодарения](#). В седьмой бригаде сейчас нет рамая-стойбища, а значит, нет праздника анольят, не строят яранги, не освящают их. Да и кому этим заниматься? В бригаде только мужчины. Они просто производят забой на питание.

Моему отцу, Н.И. Нувано, пришлось вернуться с заслуженного отдыха и вновь возглавить бригаду, ведь за лето 1997 года, которое он отсутствовал, была потеряна треть поголовья. Он говорил: «Как же мы будем существовать, если не будет оленей, - и всегда к своим словам добавлял: — Я пасу не государственных оленей, а своих, ведь это олени моего деда Гемавье, моего отца Котаквыргына, моих родственников. И всем оленеводам надо думать так, как будто это наши олени. Они и есть наши собственные». Страна не раз отмечала трудовой подвиг наших старших товарищей, видя их отношению к оленям, к своей работе. За успехи совхоз не раз получал Переходящее Красное Знамя Передовиков производства, а мой отец был награжден двумя орденами Трудовой славы (рис 6)

рис 6 Нувано Николай Иванович (1935-2007)

Я помню слова слепой бабушки Авелике, что олень может быстро пропасть, но если судьба распорядится, чтобы олени стада размножились, то это происходит скоро. Мы все надеемся на это.

Литература

1. В.Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / Государственное учебно-педагогическое издательство, Главсевморпуть при СНК СССР. М. – Л., 1937
2. В.Г. Богораз. Чукчи / Изд. Главсевморпути, Ч. II, 1939
3. И.С. Вдовин. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей / Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера
4. В.В. Горбачева. Обряды и [праздники](#) коряков / Наука, СПб. 2004
5. В.Н. Нувано Традиционные маршруты кочевий оленеводов Восточной и Центральной Чукотки / Ориентиры развития Беренгии в XXI веке. Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, вып. 8, Магадан, 2004
6. В.Н. Нувано Этнотерриториальная группа «ваежские чукчи» / Тропой Богораза. Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, вып. 10, М.2008
7. В.Н. Нувано Календарные [праздники](#) ваежских и хатырских чукчей» / Тропой Богораза. Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, вып. 10, М.2008
8. П.Н. Орловского «Год Анадырско-чукотского оленевода» / Северная Азия, 1928, п.2.